

УДК 18/81

С.О. МАЛЕВИНСКИЙ, С.А. АХМАДЗАИ

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Малевинский Сергей Октябrevич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета (Краснодар, ул. Ставропольская, 149), malevina9@mail.ru

Ахмадзаи Султан Азиз, аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета (Краснодар, ул. Ставропольская, 149), sultan-aziz67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной для современной эстетики проблеме разграничения основных типов эстетических оценок и их выражения лексическими средствами естественного (русского) языка. Основываясь на анализе лексических значений, выражающих эстетические оценки слов, авторы приходят к выводу о необходимости различения сенсорно-гедонистических и критериальных эстетических оценок. Используя культурологические подходы ко всем аспектам проблемы, авторы анализируют виды, содержание, сферы применения и формы языкового выражения последних.

Ключевые слова: эстетическая оценка, сенсорно-гедонистическая оценка, критериальная оценка, оценочный критерий, эстетический стереотип.

UDC 18/81

S.O. MALEVINSKIY, S.A. AKHMADZAI

AESTHETIC EVALUATIONS AND THEIR LANGUAGE EXPRESSION

Malevinskiy Sergey Oktyabrevich, PhD (philology), professor of the cathedra of general and Slavic-and-Russian linguistics of the Kuban state university (149, Stavropolskaya Str., Krasnodar), malevina9@mail.ru

Akhmadzai Sultan Aziz, graduate of the cathedra of general and Slavic-and-Russian linguistics of the Kuban state university (149, Stavropolskaya Str., Krasnodar), sultan-aziz67@mail.ru

Abstract. Article is devoted to a problem of differentiation of the main types of aesthetic estimates, relevant for a modern aesthetics, and their expression by lexical means of natural (Russian) language. Based on the analysis of the lexical meanings expressing aesthetic estimates of words, authors come to a conclusion about the need to distinguish sensory and hedonistic and criteria aesthetic estimates. Using culturological approaches to all aspects of a problem, authors analyze types, contents, scopes of application and forms of language expression of the last.

Keywords: aesthetic evaluation, sensory and hedonistic evaluation, criteria evaluation, evaluation criterion, aesthetic stereotype.

Несмотря на многовековую историю разработки проблематики эстетической оценочности как теоретической и методологической основы эстетики, определение сущностной природы эстетических оценок все еще остается одной из актуальнейших задач этой науки. Проблеме выявления внутренней сущности и психических механизмов основных типов и форм эстетических оценок посвящается данная статья. Решение данной задачи осуществляется путем анализа выражающих эстетические оценки слов с помощью методов лингвистической семасиологии семантики.

Многие мыслители прошлого полагали, что основным компонентом эстетического отношения к тем или иным природным или артефактным объектам является чувство эстетического наслаждения, переживаемое при их непосредственном восприятии. На эмоциональную (или сенсорно-гедонистическую) составляющую как на чувственную первооснову эстетических оценок указывают и многие современные ученые – философы, психологи, искусствоведы, языковеды. С предельной прямотой данная мысль была выражена, например, Т.В. Кузнецовой, утверждавшей, что сущность эстетической оценки какого-

либо предмета заключается в том, что «данный предмет просто нравится или не нравится. И этот факт принимается как безусловный, без всякого анализа или обоснования». Такое отношение человека к миру, по-видимому, и следует называть эстетическим [1, с. 193].

С другой стороны, некоторые авторы связывают возможность и качественное своеобразие эстетических оценок с использованием некоторых специфических ментальных образований, способных выступать в роли особых эстетических оценочных критериев. Образования такого рода называют по-разному – эстетическими представлениями [2], идеалами [3], нормами [4; 5], оценочными стереотипами [6]. При этом напрямую высказывается или подразумевается мысль о том, что эстетическое переживание, представляющее собой эмоциональное содержание эстетической оценки, выступает как следствие мысленного соотнесения оцениваемого объекта с эстетическим идеалом, нормой, стереотипом. Правда, каким образом, какими путями и на основе чего формируются подобные идеалы, нормы и стереотипы и в чем их принципиальное отличие от всех остальных типов оценочных критериев, остается неясным.

На наш взгляд, в подобных теоретических построениях реальное положение вещей трактуется несколько превратно – здесь, как иногда говорят, телега явно ставится впереди лошади. Ведь специфика используемых при эстетических оценках логических критериев (можно называть их эстетическими оценочными стереотипами) как раз и состоит в том, что они создаются исключительно на основе эмоциональных переживаний, подводимых под отражающее их сенсорно-гедонистическую сущность понятие эстетического наслаждения. В самом общем виде дело обстоит, по-видимому, так: образы восприятия и сформировавшиеся на их основе устойчивые представления тех предметов, которые вызывают позитивные эстетические переживания, генерализуются нашим мозгом в виде каких-то обобщенных ментальных образований – абстрактных моделей, стереотипов, которые затем оказываются способными выступать в качестве критериев вторичных, уже не непосредственно эмоциональных (сенсорно-гедонистических), а чисто мыслительных критериальных эстетических оценок. Понятно, что все эти процессы и образования имеют преимущественно подсознательный характер и потому не поддаются непосредственному наблюдению и саморефлексии, что в свою очередь затрудняет их адекватное описание. Между тем на уровне языковых, и в первую очередь лексических, репрезентаций первичные сенсорно-гедонистические и вторичные критериальные эстетические оценки различаются довольно последовательно. Первые выражаются при помощи слов *красивый* и *некрасивый* и их многочисленных синонимов, перечень которых (всего около 30 лексических единиц) можно найти в некоторых лингвистических работах [см., напр., 7, с. 193]. Лексические же средства представления вторых будут рассмотрены нами ниже.

Довольно простыми и показательными примерами вторичных эстетических оценок, осуществляемых с использованием особых эстетических критериев, могут служить оценки, выражаемые прилагательными *гармоничный*, *гармонический*, *дисгармоничный*, *дисгармонический* и *диссонансный*. Будучи используемы как средства характеристики сложных звуковых комплексов, и прежде всего различных музыкальных произведений, эти слова отражают в своих значениях такие оценки, при которых в качестве оценочных критериев выступают человеческие представления о звуковой гармонии (благозвучии), основывающиеся в свою очередь на чувстве эстетического наслаждения, сопровождающего восприятие тех или иных звуко сочетаний или звукорядов. Звуковые комплексы, соответствующие критериям такого рода, характеризуются как *гармоничные* или *гармонические*, звуки и мелодии, не соответствующие этим критериям, – как *дисгармоничные*, *дисгармонические* или *диссонансные*, например: *Это какие-то высокие, необыкновенно звучные и гармоничные стоны, издаваемые целыми десятками голосов* (А.И. Куприн. На глухарей); *Русские люди еще в глубокой древности обращали внимание на гармоническое сочетание колокольного звона* (А.И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском); *Дисгармоничный шум оркестра усиливается, доходит до какофонии* (В. Катаев.

Театр); *В среднем регистре дисгармонические трепыхания изображали шум работающих станков* (Л. Утесов. Спасибо, сердце); *Из зала раздается взрыв воплей и свист попеременно с грохотом отдельных, пока еще диссонансных аккордов электрогитары* (М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент).

Понятия гармонии и дисгармонии (диссонанса) оказываются вполне применимыми и для характеристики зрительно воспринимаемых признаков эстетически оцениваемых объектов. В таких случаях эстетические оценки могут производиться с помощью оценочных критериев двух типов – таких, которые применяются для оценки расцветки объектов эстетической оценки, и тех, что используются для характеристики их внешних контуров, строения, пропорций. Критерии первого типа основываются на чувствах удовольствия и неудовольствия, возникающих при восприятии гармонирующих и негармонирующих цветов. Критерии второго типа являются производными от непосредственного эстетического восприятия форм различных материальных предметов, и в первую очередь – человеческого лица и тела. Сравним:

1. *Гармоническое сочетание красок веселило глаз, радостная мажорная музыка ласкала слух* (Я. Ларри. Страна счастливых); *Расцветку они все же предпочитают азиатскую – диссонансную, яркую, непривычную нам: розовые брюки, петушиные костюмы* (К. Преображенский. Дело вкуса).

2. *Может быть, южнорусский домонгольский храм, гармоничный и стройный, не является еще совершенным образцом русской идеи храма* (Г.П. Федотов. Три столпцы); *Гармоническое сочетание линий, изящество форм, не исключавшие некоторой полноты, – таковы были отличительные черты этой удивительной женщины* (Н. Гейнце. Князь Тавриды); *Вблизи это лицо не казалось таким красивым, как издали: что-то в нем было бешеное, дисгармоничное* (И. Грекова. Перелом).

В роли критериев оценок, выражаемых словами *гармоничный* и *гармонический*, могут выступать также представления о доставляющих удовольствие определенным образом сбалансированных вкусах и запахах, например: *Дегустаторы отметили гармоничный вкус и букет и явные тона выдержки* (А. Савин. И ты, брют!); *К запахам естественных душистых растений он добавляет другие, в природе не встречающиеся, но дающие с ними гармоническое сочетание* (Р. Фридман. Искусство парфюмера). Однако в подобных случаях вряд ли можно говорить о выражении именно эстетических оценок, несмотря на то что все признаки критериальной оценочности здесь налицо. Точно так же не могут считаться эстетическими оценки гармоничности человеческих характеров, межличностных и социальных отношений, различных экономических моделей, научных теорий и верований, мироустройства вообще: в качестве критериев здесь выступают не эстетические стереотипы, а разного рода идеалы, нравственные, экономические, социально-политические и т.д.

Средствами выражения эстетических оценок, осуществляемых с помощью критериев, связанных со зрительным восприятием, являются такие прилагательные, как *ладный*, *изящный*, *грациозный*. Все эти слова выражают соответствие определенных внешних признаков оцениваемых объектов эстетическим стереотипам, сформировавшимся путем генерализации образов восприятия того, что при непосредственном созерцании вызывает чувство эстетического наслаждения.

Так, определение *ладный* включает в себе идею сообразности с соответствующим эстетическим стереотипом признаков внешней формы, размерности и размерной соотношенности составных частей характеризуемого объекта. В современных толковых словарях такое критериально-оценочное значение слова *ладный* определяется и как «хорошо сложенный» или как «хорошо устроенный» или «хорошо сделанный». Первое толкование относится обычно к тем случаям, когда прилагательное *ладный* выступает как средство оценочной характеристики людей и животных (*ладный парень*, *ладный конь*, *ладная фигура*, *ладный стан* и т.п.), второе же толкование вполне применимо к тем контекстам, где интересующее нас слово выражает эстетическую оценку каких-то арте-

фактных предметов, например: *Я вынул из кобуры маленький, ладный, чистенький, хорошо смазанный маузер* (В. Катаев. Виадук); *Первый ладный и бравый снап стал с краю поля* (Н. Богданов. Враг); *Она отошла в сторонку, уселась в плетеное креслице, такое же ладное, как и она сама* (Л. Карелин. Подснежник). В других контекстах, скажем, в словосочетаниях типа *ладный заработок*, *ладное хозяйство*, *ладное пиво* и т.п., прилагательному *ладный* может быть приписано просто значение «хороший», не имеющее отношения к критериальным оценкам эстетического характера.

Прилагательное *изящный* во всех современных словарях толкуется одинаково – как «обладающий изяществом», а вот в толкованиях слова *изящество* имеются некоторые расхождения. Общим местом здесь является использование семантического дескриптора «соразмерность», который указывает на то, что основанием оценки в данном случае выступает форма и строение оцениваемого объекта. Однако источники человеческих представлений об эстетической соразмерности форм тех или иных предметов в словарных определениях понятия *изящество* указываются не всегда. Если же эти источники упоминаются, то изящество трактуется как соразмерность, «отвечающая требованиям художественного вкуса». Таким образом, критериями оценки соразмерности форм, позволяющими характеризовать какие-то предметы как изящные или не изящные, провозглашаются требования художественного вкуса, которые, на наш взгляд, представляют собой не что иное, как определенные прикладываемые к тем или иным предметным классам эстетические стереотипы.

Специфичной функциональной и семантической особенностью прилагательного *изящный*, отличающей его, например, от слова *ладный*, является то, что интересующее нас прилагательное может использоваться только для характеристики относительно небольших по толщине и охвату предметов и не применяется для выражения эстетической оценки вещей объемных, крупных, больших в диаметре или поперечнике. Думается, можно согласиться с Е.В. Урысон, которая, описывая языковое выражение эстетических оценок человеческого тела, отметила, что определение *изящный* «указывает на то, что объем тела субъекта меньше среднего». При этом «*изящный* – это еще и тонкий в кости», поэтому нормально выглядит словосочетание *изящная тоненькая брюнетка* и нереально – *крепкая изящная брюнетка* или *изящная пышная красавица*. Далее: «Это слово предполагает скорее гибкость, нежели физическую силу и связанное с ней здоровье субъекта», поэтому нормально *изящные гибкие танцовщицы* или *изящные гибкие руки* и вряд ли допустимо *изящные сильные танцовщицы (руки)*. Кроме того, слово *изящный* предполагает красоту и утонченность не только формы тела как таковой, но и его осанки, движений, походки. Поэтому странно: *Она изящная, но сутулится, ходит некрасиво, вразвалку*, хотя при этом вполне приемлемо: *Она стройная, но сутулится, ходит некрасиво, вразвалку*. В целом же определение *изящный* «выражает максимально высокую эстетическую оценку субъекта, указывая на то, что весь его физический облик удовлетворяет требованиям самого строгого художественного вкуса» [8, с. 483].

Все, что было сказано Е.В. Урысон о передаче словом *изящный* эстетических оценок человеческого тела, может быть отнесено и к выражаемым этим словом характеристикам многих других предметов – различных артефактных объектов, живых существ и растений, например: *Недели две спустя он отправляет ей с рабочими изящный шкафчик, счет, конечно, приложен* (В. Маканин. Отдушина); *Красный изящный домик Голицыных. Напротив – Аничков дворец, Потемкин тут жил* (В. Попов. Свободное плавание); *Изящный гнедой жеребец просовывает морду между перекладинами и облизывает мне руку* (В. Михайлова. Кавалерия нашего времени); *Из хищной мохнатой гусеницы появился легкий, изящный мотылек* (Н. Рубан. Тельняшка для киборга). *Этот невысокий изящный кустик цветет ранней весной собранными в пучки сиреневыми цветками* (А. Анашина. Опасная красота); *Эта изящная лиана переносит частичное затенение* (Ш. Марчинский. Король вашего сада).

Прилагательное *изящный* может использоваться и как средство оценочной характеристики различных действий, физических, интеллектуальных, речевых, которые должны, однако, отличаться известной легкостью, относительной простотой, отсутствием излишних ходов и ненужной детализации: *Изящный жест тонкой, в браслетах и кольцах, руки в сторону незаметной двери в стене* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона); *Сделав изящный полупоклон, он сокрушенно развел руками* (Л. Зорин. Казанские истории); *Замминистра сделал изящный ход* (А. Литвинов. Президент отказался от Грефа); *Оказалось, что уравнения его теории допускают простое и изящное решение* (Р. Нудельман. Космология: конец или продолжение?). То же самое относится и к качествам характеризуемых как изящные ментальных образований и текстов: *Он лично разработал изящный план устранения генерала: с помощью бескомпромиссного пера журналистки Синицыной* (В. Синицына. Муза и генерал); *Вот изящный четырехстрочный набоковский палиндром с античными аллитерациями* (М. Голубовский. Анаграммные вариации: состукивание слов); *Или другой его изящный анаграммный каламбур: Ты грустно восклицаешь: ТА ЛИ Я?* (М. Голубовский. Анаграммные вариации: состукивание слов).

Изящные действия, осуществляемые людьми или животными, могут характеризоваться и как грациозные. Думается, что именно оценка действий, соотносимых с соответствующими эстетическими стереотипами, является первичной семантической функцией прилагательного *грациозный*. В таких случаях обычно говорят о грациозных жестах, поклонах, танцах, прыжках, беге, походке и т.д. С другой стороны, при помощи слова *грациозный* может быть выражена и эстетическая оценка человека или животного, однако при этом за основание оценки принимается не внешний вид оцениваемого объекта вообще, а изящество производимых им движений, осанки, принимаемых поз (что, кстати, последовательно отмечается во всех толковых словарях русского языка). То, что решающую роль при определении объекта как грациозного играют именно его движения, а не что-либо другое, хорошо видно из следующих примеров: *Стройная, грациозная, нужно было видеть, как она преклоняла колени, подымалась, крестилась* (В.В. Вересаев. Воспоминания); *Посмотрите, не правда ли, я грациозная? – она стала разводить руками, склонять голову* (К. Вагинов. Козлиная песнь); *Ворона, она такая грациозная, так гордо ступает, прямо умница* (С. Шаргунов. Ура!); *За ними с берега хищно следил длинный, тонкий, грациозный хорек... грации и легкости его забавных пробегов, кувырканий, прыжков, клянусь, я не знаю ничего равного* (В. Чернов. Перед бурей).

Чтобы считаться или казаться грациозным, оцениваемому объекту (человеку, например) даже необязательно обладать особым телесным изяществом, стройностью форм, тонкостью линий и т.п. – достаточно быть способным производить более или менее изящные движения: *Это была красивая пара, особенно Ахтур, широкоплечий, сильный как буйвол, и грациозный как козочка* (В. Жаботинский. Самсон Назорей); *Чем похожи тяжелый, грузный Горный... и лихой Низинский, грациозный и взрывной, несмотря на двухметровый рост и внушительную комплекцию* (Е. Козырева. Дамская охота). С другой стороны, даже самое утонченное изящество тела не дает человеку права называться грациозным, если в его движениях отсутствует необходимая грация: *Вытянулась Катя, а все такая же. Тоненькая, но не грациозная, скорей неуклюжая* (И. Грекова. Под фонарем).

Существуют и такие контексты, где слово *грациозный* является практически синонимичным прилагательному *изящный*. В таких случаях интересующее нас слово выступает в качестве эстетически-оценочного определения при существительных, обозначающих различные неодушевленные природные и артефактные объекты, например: *Князь Горчаков любовался ими, как любит грациозный нарцисс, склоненный над водой, своими красивыми формами* (В.П. Мещерский. Мои воспоминания); *А мастерски приколотый цветок или грациозный локон определяют число побед на бале* (И. Кокорев. Публикации и вывески); *У самой дороги возвышался необычайно грациозный древ-*

ний храмик Дианы (П.В. Анненков. Литературные воспоминания); *Легкий, грациозный висячий мост соорудил Львов, инженер и музыкант* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).

Оценочное значение несовпадения формы оцениваемого объекта с соответствующим эстетическим стереотипом выражается прилагательными *нескладный, неуклюжий и аляповатый*. Причем если слово *нескладный* просто указывает на несоответствие строения объекта эстетическому критерию формы, то прилагательные *неуклюжий* и *аляповатый* выражают еще и дополнительную информацию о том, что общие размеры оцениваемого предмета явно выходят за рамки, предусматриваемые содержанием соответствующего эстетического стереотипа. Сравним:

1. *Подошел американец, лауреат Нобелевской премии, нескладный, длиннорукый* (Д. Гранин. Зубр); *Лошадь старая, умом не уступающая человеку, нескладная и машистая* (И. Бунин. Хороших кровей); *Поздно вечером за мной пришло, дуднув во дворе, маршрутное такси, нескладный, с высокой крышей автобусик на десять пассажиров* (М. Зайчик. В нашем регионе).

2. *Мы над ним смеялись – он такой неуклюжий был, большой, белобрысый* (Т. Устинова. Подруга особого назначения); *Он был очень затейлив, этот огромный ларец, неуклюжий и сквозной* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); *Длинный, неуклюжий диван, обитый потертой тисненой кожей...* (Л. Разгон. Непридуманное).

3. *Нос большой, довольно аляповатый и довольно красный* (Т. Шавченко. Прогулка с удовольствием и не без морали); *Ярко осветилась тяжелая, аляповатая мебель* (П. Краснов. Ложь); *Я с изумлением заметил на его запястье аляповатый золотой браслет* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет).

Прилагательное *аляповатый*, помимо эстетических оценок, осуществляемых по основанию формы и размерности оцениваемого объекта, способно также выражать оценки, основанные на учете его расцветки: тот или иной предмет может быть охарактеризован как аляповатый еще и в том случае, когда его цвета не соответствуют представлениям о цветовой гармонии, присущим для соответствующего эстетического стереотипа, например: *Неудачен ковер, которым завешено окно во второй картине: аляповатая расцветка его не вяжется с остальной обстановкой, подобранной с большим вкусом* (Ю. Нехорошев. Удачный дебют); *Попробуй теперь кто-нибудь надень чулок с черной пяткой – покажется некрасивым, аляповатым* (В. Солоухин. Письма из Русского музея).

Слово *неуклюжий* зачастую используется для характеристики какого-либо объекта с точки зрения степени изящества, а вернее, если быть совсем точным, – отсутствия изящества в совершаемых им движениях: *Давным-давно он, неуклюжий буйволенок, вместе с матерью и отцом когда-то первый раз вошел в море* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); *Легковая машина пошла резвее, оставив далеко позади неуклюжий автобус* (П. Сиркес. Труба исхода). В современных толковых словарях такое значение интерпретируется или как оттенок уже рассмотренного выше основного значения прилагательного *неуклюжий* – «нескладный» или вообще никак не отграничивается от последнего. Только в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова значение «неловкий в движениях» трактуется как самостоятельное лексическое значение слова *неуклюжий* [9, с. 645]. И это, думается, вполне оправданно.

В особую функционально-семантическую группу могут быть выделены прилагательные, нацеленные преимущественно на выражение критериальных эстетических оценок различных артефактных объектов. Это такие слова, как *элегантный, шикарный, безвкусный, вычурный, художественный, высокохудожественный, малохудожественный и антихудожественный*.

Прилагательное *элегантный* толкуется в современных словарях чаще всего как «изысканный, изящный» или «изысканно-изящный». Тем самым его значение в определенной мере отождествляется со значением слова *изящный*, хотя дескриптор «изысканный», т.е. «утонченный», указывает на прямую связь расцениваемого как элегантный предмета

с человеческой деятельностью: в природе, как известно, не отмечается ничего изысканного или утонченного, в то время как изящного там может быть обнаружено предостаточно. По-видимому, правы были авторы «Большого толкового словаря русского языка», когда расширили толкование прилагательного *элегантный*, добавив к дескрипторам «изысканный» и «изящный» определение «строгого художественного вкуса», которое может быть соотносимо только лишь с артефактными объектами [9, с. 1518].

Прилагательное *шикарный*, помимо идеи общего соответствия какого-либо артефакта требованиям эстетического вкуса, выражает еще и значение относительно большой стоимости эстетически оцениваемого объекта. Можно сказать, что в данном случае на семантику критериальной эстетической оценки накладывается дополнительное количественно-оценочное значение дороговизны, богатства, роскошности, что неизменно фиксируется во всех словарных толкованиях слова *шикарный*. Объектами оценок такого рода могут быть самые разные артефактные предметы – от каких-то элементов гардероба и мелких аксессуаров до различных строений и прочих масштабных произведений рук человеческих, включая даже целые городские районы. В сочетаниях с именами существительными, обозначающими людей, прилагательное *шикарный* может выражать значение «обладающий шиком», т.е. «шикарно одетый» или «владеющий шикарными вещами».

Артефактные объекты, не соответствующие соотносимым с ними эстетическим оценочным стереотипам, однозначно характеризуются как безвкусные, независимо от того, какие конкретные качества принимаются за основания эстетической оценки. Если в роли оцениваемого объекта выступает какой-то материальный предмет, определение *безвкусный* может выражать негативные оценки, основанные на учете или формы, или расцветки данного объекта, или и того и другого одновременно: *Катя села подле резного безвкусного дубового письменного стола* (В. Катаев. *Время, вперед!*); *С ярко-красным зонтиком, в пестром безвкусном наряде я мечтаю быть генеральшей* (Л. Чарская. *Мой принц*); *Что-то зеленое с красным, новое, дешевое и безвкусное на старом, дорогом и тоже безвкусном – таково было общее впечатление от залы заседаний Конвента в бывшем дворце французских королей* (М. Алданов. *Девятое термидора*); *Под сырые гитарные взрывы группы Sonic Youth в стиле хэви-металл выходили модели – в чем-то несусветно безвкусном* (А. Карабаш. *Человек-утро*).

Когда как безвкусные характеризуются какие-либо высказывания, тексты, литературные произведения, за основания эстетической оценки принимаются совершенно иные, специфические именно для этих объектов признаки, которые могут носить как информационно-содержательный, так и чисто формалистический (языковой, стилистический) характер. При характеристике как безвкусных различных произведений тех или иных видов искусства прилагаемые к ним эстетические оценочные критерии могут быть самыми разными, причем и такими, которые бывают известны и понятны только самому оценивающему субъекту, будучи производными только от его собственных художественных вкусов. И зачастую бывает непонятно, что именно, какие именно признаки оцениваемого объекта человек имел в виду, когда расценивал то или иное произведение как безвкусное, например: *Я увидел мелкобуржуазное безвкусное искусство, почему-то именуемое себя реализмом, да еще социалистическим* (Е. Евтушенко. *Волчий паспорт*); *Фильм вышел плохой и безвкусный и среди интеллигентной московской публики не имел никакого успеха* (Ю. Елагин. *Укрощение искусств*); *Он же (Горький) написал безвкусного «Буревестника», что никогда не случалось, например, с Достоевским* (Ю. Анненков. *Дневник моих встреч*).

Наиболее явным и очевидным, сразу бросающимся в глаза проявлением безвкусия, является эстетическое свойство, именуемое вычурностью. Думается, что именно благодаря такой самоочевидной проявленности оно и получило в русском языке особые средства своего лексического значения. Отражающее данное свойство прилагательное *вычурный* толкуется в современных словарях как «излишне затейливый, чрезмерно украшенный, нарочито усложненный, замысловатый». Тем самым подчеркивается мысль, что

объекты, характеризующиеся как вычурные, содержат в себе слишком много излишних элементов, могущих быть интерпретируемыми как разного рода «красивости», однако при этом излишним было бы отметить, что ненужность всех этих элементов предопределяется исключительно требованиями художественного вкуса и содержанием соответствующих стереотипов эстетической оценки.

Определение *художественный* и прилагательные, производные от него, используются в основном для выражения эстетических оценок тех предметов, которые относятся к сфере искусства. В отдельных случаях они могут выступать и как средства оценочной характеристики некоторых артефактных объектов, приближающихся по своей природе к произведениям искусства, например: *Но, быть может, все платья хороши, художественны, а творцы их – торгошники и ремесленники* (А. Бенуа. «Французик из Бордо» или художник?); *К этому я и стремлюсь, чтобы все мои статьи были художественны как по смыслу, так и по содержанию* (В.Н. Гельфанд. Дневники 1941-1943 гг.). Но основными объектами оценок, выражаемых при помощи слов *художественный*, *высокохудожественный*, *малохудожественный* и *антихудожественный*, являются именно произведения искусства. И в роли критериев оценок такого рода выступают эстетические оценочные стереотипы, относящиеся к сфере искусства.

Помимо рассмотренных выше слов, значения критериальной эстетической оценки могут передаваться также прилагательными *нелепый* и *несуразный*, основной семантической функцией которых является выражение оценок не эстетического, а гностического (истинностного) характера. Однако посредством определений *нелепый* и *несуразный* могут характеризоваться и такие объекты, которые представляются не соответствующими каким-то эстетическим стереотипам. Круг потенциальных объектов такого рода практически неограничен: как нелепые или несуразные могут определяться практически все природные и артефактные предметы, живые существа, лица, движения и процессы, способные подвергаться эстетическим оценкам: *Из ствола дерева – кажется, это был тополь – тянулся вверх нелепый прут с несколькими глянцевыми листиками* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана); *Нелепый розовый дождевик светился на фоне моря все на том же камне* (М. Шишкин. Венерин волос); *И разве не смешон знаменитый «гадкий утенок» – такой несуразный на земле, пока он не вырос в прекрасного белого лебедя?* (В. Бианки. Рассказы); *Несуразный он был парень: приземистый, голова какая-то плоская, нос крошечный с пережабиной* (Н.С. Лесков. Житие одной бабы); *Мы все бросились отплясывать несуразный танец сумасшедшего счастья* (А. Белянин. Свирепый ландграф).

Итак, среди имен прилагательных, выражающих эстетические оценки самых разных природных и артефактных объектов, отчетливо различаются слова, отражающие в своей семантике оценки сенсорно-гедонистического характера типа *красивый – некрасивый*, и прилагательные с критериально-оценочными значениями, где в роли оценочных критериев выступают различные эстетические стереотипы, сформировавшиеся на основе сенсорно-гедонистических эстетических оценок. Оценочных прилагательных второго типа в современном русском языке насчитывается как минимум 21. В качестве критериев выражаемых ими оценок выступают человеческие представления об эстетически идеальных формах оцениваемых объектов, их расцветках, движениях и звучаниях. Особую группу здесь составляют слова, отражающие критериальные эстетические оценки, основанные на требованиях художественного вкуса как оценочных критериях. Думается, что полученные нами выводы смогут оказаться полезными при решении других, более общих теоретических проблем эстетики, искусствоведения и культурологии.

Литература

1. Кузнецова Т.В. «Эстетическое» как универсальная категория эстетики // Эстетика как образ жизни. М., 2013.

2. *Богуславский В.М.* Типология значений образных средств оценки внешности человека: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 1995. 53 с.
3. *Столович Л.Н.* Философия красоты. М., 1978.
4. *Писанова Т.В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки. М., 1997.
5. *Арутюнова Н.Д.* Истина, добро, красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004.
6. *Ли Хуа.* Положительная эстетическая оценка в русском языке. Красота с позиции носителя китайского языка и культуры. М., 2007.
7. *Лифшиц Г.М.* Виды многозначности в современном русском языке: на материале оценочных имен прилагательных. М., 2001.
8. *Урысон Е.В.* Эстетическая оценка тела человека в русском языке // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004.
9. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

References

1. *Kuznetsova T.V.* «Aesthetic» as a universal category of aesthetics // Aesthetics as a way of life. Moscow, 2013.
2. *Boguslavskiy V.M.* Typology of values of figurative means of assessment of the person appearance: the author's abstract of the diss. ... doctor of philology. 10.02.01. Moscow, 1995.
3. *Stolovich L.N.* Filosofiya krasoty [Philosophy of beauty]. Moscow, 1978.
4. *Pisanova T.V.* Natsionalno-kulturnye aspekty otsenochnoy semantiki. Esteticheskie i eticheskie otsenki [National and cultural aspects of evaluation semantics. Aesthetic and ethical evaluations]. Moscow. 1997.
5. *Arutyunova N.D.* Truth, goodness, beauty: interaction of concepts // Logical analysis of the language. Languages of aesthetics. Conceptual fields of beautiful and ugly. Moscow, 2004.
6. *Li Hua.* Polozhitelnaya esteticheskaya otsenka v russkom yazyke. Krasota s pozitsii nositelya kitayskogo yazyka i kultury [Positive aesthetic evaluation in the Russian language. Beauty from a position of native speaker of the Chinese language and culture]. Moscow, 2007.
7. *Lifshits G.M.* Vidy mnogoznachnosti v sovremennom russkom yazyke: na materiale otsenochnyh imen prilagatelnyh [Types of polysemy in modern Russian: on material of appraisal adjectives]. Moscow, 2001.
8. *Uryson E.V.* Aesthetic evaluation of the human body in Russian language // Logical analysis of the language. Languages of aesthetics. Conceptual fields of beautiful and ugly. Moscow, 2004.
9. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of Russian language]. Saint Petersburg, 1998.

УДК 658.114.8

Д.Г. РОДИОНОВА

СОФИНАНСИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Родионова Дарья Геннадьевна, и.о. завкафедрой музыкального менеджмента факультета фольклорного искусства и продюсерства Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва, ул. Поварская, д. 30-36), sunshila@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы финансирования сферы культуры в России, большое внимание уделено различным формам финансирования от государственных до коммерческих, рассматриваются также исторически апробированные формы финансирования